

ВОПРОСЫ МЕДИЕВИСТИКИ И СТАНОВЛЕНИЯ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

УДК 81-112

Д. Г. Демидов

СЛАВЯНОРУССКИЙ (СЛАВЯНОРОССИЙСКИЙ) ЯЗЫК — ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ (ЯЗЫКОВАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ) КОНЦА XVIII — НАЧАЛА XIX В.

Государственный университет Чжэньчжи, факультет славянских языков и литератур, Тайвань, 11605, Тайбей, р-н Веньшань, улица Джынань, 64

После Ломоносова старшая славянская и младшая русская нормы русского литературного языка стали сближаться и совместно проявились в произведениях духовной небогослужебной литературы конца XVIII — начала XIX в., в частности в шести таких произведениях и в переводе Поучения Владимира Мономаха 1793 г. Язык этих произведений называется славянороссийским или славянорусским и описан в Грамматике Аполлоса Байбакова 1794 г. Библиогр. 12 назв.

Ключевые слова: церковнославянский, литературная норма, древнерусский, современный русский, славянизм, архаизм.

SLAVYANORUSSKY (SLAVYANOROSSIIYSKY) LANGUAGE — LINGUISTIC REALITY OF THE LATE 18th — EARLY 19th CENTURIES

D. G. Demidov

National Chenchi University, Department of Slavic Languages & Literatures, 64, Zhinan Rd., Taipei, Wenshan District, 11605, Taiwan

After Lomonosov senior Slavic and junior Russian norms of Russian literary language came together and jointly manifested in the works of spiritual literature not for worship late 18th — early 19th century, in particular, in six such works and in translation of the Teaching of Vladimir Monomakh 1793. The language of these works is called slavyanorossiysky or slavyanorussky and described in Apollos Baybakov's Grammar 1794. Refs 12.

Keywords: Church Slavic, literary norm, Old Russian, Modern Russian, Slavism, archaism.

К концу XVII в. славянская и русская стилистики русского литературного языка заметно отделились друг от друга, но в XVIII в., сначала под действием Петровских преобразований языка права, а затем в результате ясного изложения М. В. Ломоносовым теории *трех стилей*, эти стилистики вновь стали сближаться, дополнительно распределяя свои средства по жанрам словесности. Еще в Петровское время иностранные научные труды переводились по-славянски; первого отечественного историка В. Н. Татищева называют последним русским летописцем как раз потому, что он писал все тома своей «Истории Российской» по-древнерусски, с аористами и имперфектами, чтобы точнее передавать смысл событий, реплики князей и пр.

К 80-м годам XVIII в. культура владения старшей славянской нормой русского литературного языка не только не упала, но, напротив, весьма повысилась и активизировалась, прежде всего в небогослужебной духовной литературе, издаваемой преимущественно церковным шрифтом. Она, без сомнения, повлияла и на архаизацию языка светской литературы, если из нее исключить карамзинские опыты «нового слога». В любом случае круг чтения составляли: 1) светская литература разных жанров, издаваемая гражданским шрифтом; 2) богослужебные книги, печатаемые церковным шрифтом. Литература 1-го типа создавалась в основном по-русски; литература 2-го типа прекрасно сохраняла и улучшала строгую славянскую норму; но лингвистическая реальность того времени требует выделить еще и литературу промежуточного 3-го типа: 3) многие небогослужебные книги, чаще духовного содержания, издаваемые обычно церковным шрифтом; эти книги активно использовали обсуждающийся в статье славянорусский язык. (Под «языком» подразумевается тип, или разновидность, литературной формы языка, наподобие выражений «поэтический язык», «язык права» и т. п.¹) О его реальном существовании и актуальном действии можно судить хотя бы по тому, что гр. А. И. Мусин-Пушкин, издавая «Духовную» (Поучение) Владимира Мономаха в двух вариантах — на древнерусском и современном языке, — писал: «...поелику сия духовная писана на славянском древнем в некоторых местах не всякому вразумительном и от переписчиков инде испорченном наречии, то я, оставя оную подлинником, с своей стороны переложил (с помощью приятелей) на **славянорусский** язык, дабы всякому она была вразумительна» (выделено нами. — Д. Д.) [1, с. XVIII]. Ставя совершенно определенную цель сделать понятным своим современникам древнерусское произведение, известный и весьма влиятельный собиратель и издатель старинных книг выбирает не русский, а славянорусский язык как средство переложения. Связано это, вероятно, с содержанием памятника. Он называется «Духовная», изобилует цитатами из Св. Писания и касается в основном, действительно, духовных и нравоучительных вопросов.

Приведем в упрощенной орфографии до знака «=» древнерусский текст «Духовной» (Поучения) Владимира Мономаха, после этого знака — его перевод Мусиным-Пушкиным с помощниками на современный им славянорусский язык. Замены словоформ сделаны так, чтобы общий архаический стиль остался: бѣа = бiеть; пребѣгати нестрѣкати оучить = ходить порядочно, а не прыгать; и добротъ устроенныхъ на семь свѣтѣ = и твореній рукъ Твоихъ; аще будетъ повиненъ смерти = хотя будетъ достоинъ смерти; и въ земли не хороните, то ны есть великъ грѣхъ = и въ

¹ В статье используются синонимы (но не дублиеты): «славянорусский язык», «славянорусский тип (русского литературного языка)», «старшая (церковнославянская) норма (русский литературный язык)», «церковнославянский язык» (русских книг церковной печати XVI–XXI вв.). Каждое из этих терминологических сочетаний выделяет свой аспект одного и того же объекта. Ср.: «младшая (русская) норма» (русский литературный язык); «церковнославянский язык» — общеславянский литературный язык X–XXI вв. Понятия «русского литературного языка» и «церковнославянского языка» (в широком общеславянском значении) частично пересекаются в своем объеме. Их общая часть также называется «церковнославянским языком» (в узком значении).

«Тип языка» — это собирательное историческое понятие, в объем которого входят лингвистические факты определенного круга текстов. Так язык понимал акад. И. И. Срезневский. Такова была идея акад. В. В. Виноградова: «Всякий литературный памятник, представляющий организацию словесного материала, подлежит ведению лингвиста. Он рассматривает его как представителя языкового типа, органически выросшего в определенной диалектической среде и очерченного точными хронологическими границами» [2, с. 3].

земли (богатства) не скрывайте, ибо то намъ великій грѣхъ; внезапно бо челоуѣкъ погыбаеть = ибо может нечаянно последовать отъ того несчастье.

Цитаты из Свящ. Писания переводятся по-славянски в соответствии с Елизаветинской Библией, т. е. по строгим церковнославянским нормам, напр.: *вскую печалуеши душе, вскую смущаеши мя* = *вскую прискорбна еси душе моя, и вскую смущаеши мя* (Пс. 41); *Г(оспо)дѣ же посмѣется ему, и прозритъ яко придетъ день его* = *Господь же посмеется ему, зане прозирает, яко придетъ день его; оружъа извлекоша грѣшнициы, напряже лукъ свой, и стрѣляти нища и убога* = *мечъ извлекоша грѣшнициы, напрягоша лукъ свой низложити убога, и нища; праведныа же милуа и (вм. милуай) даеть* = *праведный же щедритъ и даеть; егда сѧ падеть и не разбѣется, иакъ Г(оспо)дѣ под(ѣ)емлетъ руку его* = *егда падеть, не разбѣется, яко Господь подкрепляетъ руку его* (Пс. 36); *взыщи мира и пожени, и живи въ вѣкы вѣка* = *взыщи мира и пожени ѿ*. *И вселися въ вѣкъ вѣка* (Пс. 33); *внегда прогнѣватися ярости Его на ны, убо вода бы ны потопила* = *Внегда прогнѣватися ярости ихъ на ны, убо вода потопила бы насъ* (Пс. 123); и *оустнѣ мои похвалита тѧ* = *устнѣ мои похвалятъ тя* (Пс. 62). В цитатах сохраняется вся славянская лексика, даже совсем неупотребительная, напр. наречие *выну*.

Но и вне цитат иногда сохраняются формы аориста: *стрѣтоша, рѣша, рѣхъ, умре* и др.; русизм греческого происхождения *грамота* заменяется на литературный славянизм *писаніе*. Из союзов и частиц могут сохраняться *аще, яко, егда, внегда, убо*, не употребительные в новой русской норме; замены *и* = *зане, яко* = *ибо, аще ли* = *аще же, аще* = *хотя, али* = *естли, егда* = *когда, бо* = *ибо, иже* = *который* показывают очень осторожную стратегию прояснения значений древнерусских союзов и относительных местоимений для современников; для формального выражения синтаксических отношений в переводе дополнительно вводятся слова *ибо, которые*.

Подновление текста в переводе часто сохраняет архаические словоформы и синтаксические конструкции, не входящие в новую русскую норму, такие формы выделены нами: *оусрѣтоша бо ма слы* = *стрѣтоша* *меня послы; собравѣ ту юноша душа чисты, нескверни тѣлеси* = *собравѣ юношей душами чистыхъ, и нескверныхъ тѣлеси; вопьюще, рцѣмъ* = *вопьюще* (*рцѣмъ* осталось непереуведенным); *послушайте мене* = *послушайте мене; солнцу всходящу* = *солнцу восходящу* (в «Дательном самостоятельном»); *той же зимы* = *той же зимы* («Родительный беспредложный»). Очень важно, что морфологические и синтаксические славянизмы могут даже добавляться в переводе, у Мономаха их не было: *научися* = *научися христианине* (добавлено в переводе в Зв. п.); *добрѣ слово ему дадите* = *доброе слово рцѣте ему; потснѣтесе на всѧ дѣла добрая* = *потснѣтесе на всѧ дела добрая; а станутъ си пред(ѣ) Б(о)гомъ* = *предстанут пред него* (В. п.); а *мы что есмы челоуѣцы грѣшнии, ли си день живи, а оутро мертви* = *а мы что есмы? челоуѣцы грѣшнии, которые сей день живы, а за утра мертви*. Это означает, что славянорусским языком владели активно.

Когда излагаются светские темы, язык перевода сильно русифицируется, что вполне допустимо в пределах славянорусского языка. В рассказе-воспоминании о битвах с половцами: *посль по половцихъ за Хороль* = *гнались за половцами за Хороль; и по Святополцѣ на Суль бившесе съ половци до вечера* = *бились по Святополцѣ на Суль; и идохомъ на вои ихъ* (половцев. — Д. Д.) *за Римовѣ* = *пошли мы на войска половецкіе за Римовѣ*. В рассказах об охоте: *тура мѧ. В., метала на розѣхъ и съ ко-*

немъ = самка буйвола дважды метала меня и съ конемъ на рогахъ (дв. ч. не понято); *нарядъ* = распорядокъ.

Кажется, не все церковнославянские морфологические возможности одинаково успешно реализуются в славянорусском языке. Так, формы двойственного числа (они выделены) в переводе устраняются: *устраня али хочещи тою оубити, а то ти еста* = *естьли хочешь, умертви их, они у тебя; съ братомъ твоимъ родилися есвъ* = *с братом твоим родился я; не створила есвъ лиха ничтоже* = *не сделал я никакого зла, ни рекла есвъ* = *и не сказалъ*.

Особо следует оговорить перифрастическую замену *ни одиночество* = *не уединенною жизнью*. Казалось бы, слово *одиночество* было хорошо известно, но переводчики, видимо, не желали возникновения ненужных ассоциаций с сентиментализмом, сбивающих с правильного положительного христианского понимания уединенной жизни, и произвели обратную замену.

Славянорусский язык при церковнославянской лексике, свободно расширяемой русизмами, точно так же может расширяться вкраплениями русской грамматики, при соблюдении требований церковнославянской нормы. Противоречия здесь не возникает, поскольку по существу младшая русская норма — это и есть выделенные и кодифицированные периферийные, факультативные варианты старшей славянской нормы. В богослужебных книгах эти периферийные варианты не развиваются, а сохраняются в виде традиционных исключений, как правило, в редко читаемых за богослужениями книгах. В небогослужебной духовной литературе они представлены шире, что и требует относить соответствующий язык не к церковнославянскому, а к славянорусскому. Наиболее типичные образцы этого языка мы найдем в церковных проповедях. Язык проповедей изучается Е. Кисловой [3] и др., хотя и с совсем других исходных позиций. Оставим здесь церковнопроповедническое искусство в стороне.

В 1793 году в Московской Синодальной типографии, после тщательной сверки с греческим подлинником и редакторской правки, вышел в свет сделанный св. Паисием Величковским перевод «Добротолюбия» [4].

При строгом соблюдении церковнославянских норм образования простых прошедших времен в книге иногда встречаются подновленные эловые формы, напр.: *современенъ же былъ великому Афанасию* [4, с. 1, 17]; *кромъ сихъ и содержащяся въ настоящей книгъ сто семьдесятъ главъ, сей препрославленный отецъ намъ оставилъ*; и *небрегомой слогу рчи склонилъ* [4, с. 2]; более широко, чем в богослужебных книгах, встречаются русизмы в именном склонении: *душъ* (Д. п.), *въ сердцъ* (многократно), *въ книгъ* (и т. п. без палатализации), *мудрецовъ, заповѣдей, добродѣтелей, от добродѣтелей, врачамъ, вещам, горестямъ, младенцами, на сердцахъ нашихъ, въ сердцахъ вашихъ, о скорбяхъ, о рабахъ, о земледѣльцахъ, преклоняю колѣна моя* [4, с. 2]. Возможны упрощения согласования прилагательных и местоимений, принятые в гражданской норме и отклоняющиеся от строгой церковнославянской нормы: *многя и другя священныя и духовныя учения... подобающыя издаде* [4, с. 2], — согласование по м. и ж. р. В. п. мн. ч., вместо ср. р. на -ая. Встречаются также лексические новшества (*болванодѣли*) и даже элементы просторечия (*напосльдокъ*). Но все же «Добротолюбие» 1793 г. издания с большим трудом приходится признавать написанным на славянорусском языке, поскольку русизмы в нем совершенно незаметны, их приходится искать, заранее задавшись целью вычлениить такие элементы.

Представим теперь еще шесть книг, написанных на славянорусском языке, расположив их от наиболее славянизированного, наподобие «Добротолубия», к наиболее русифицированному, то есть от языка, близкого к книгам 2-го типа, к языку, близкому к книгам 1-го типа. Такое нисхождение покажет градуальный переход от старшей церковнославянской нормы к младшей русской норме и отсутствие бинарной оппозиции славянское — русское.

«Увет духовный» [5] представляет собой церковнополюемическое сочинение. Его церковнославянская основа вполне обычна, так как в рассматриваемый период повторяется издание 1683 г. Но сам по себе факт повторения изданий XVII века в новых условиях, после окончательной кодификации церковнославянской нормы в Елизаветинской Библии и без правки по этим нормам воспроизводимых в печати других текстов, требует относить язык этих переизданий к славянорусскому языку с более низким уровнем кодификации. Отметим незначительные орфографические отклонения от нормы — скорее, гиперкорректного характера — наряду с едва заметной морфологической русификацией: *въ печальхъ, во градъхъ и пустыняхъ* [5, л. 3], а также бессвязочный плюсквамперфект: *От нихъ бо ц(а)р(с)тва разрушишася, нестроения же въ домъхъ и на путехъ, во градъхъ и пустыняхъ постигнули древле...* [5, л. 3].

Житийная литература продолжает в целом сохранять церковнославянскую норму, но более свободную, чем в богослужебной литературе. Приведем начало «Жития Александра Свирского» [6] (здесь и далее в цитатах орфография упрощается):

Молихъ убо васъ, о отцы блаженни, воистинну и преблаженни, да не нудить мя преподобство ваше сотворити повѣсть о преславномъ житиі сего преподобнаго отца, иже во плоти безплотныхъ житію уподоблшася, пастыря нашего и учителя пресладкаго Александра. Не достанетъ бо ми бесѣды: зане скудостію ума одержимъ, и невѣжествія мракомъ покровенъ: выше бо моея силы дѣло сіе есть [6, л. 1].

Из отклонений от чистой церковнославянской нормы стóит отметить формы двойственного числа, которые употребляются в значении 'несколько':

Преподобный же удивляшеся, и помышляше въ себѣ: что сіе хочеть быти; и абіе видить **три** мужа вшедша къ нему... Они же емше его за руку возстависта, глаголюще: ... Преподобный же рече къ нимъ: Господіе мои, аще обрѣтохъ благодать предъ вами, повѣдайте мнѣ, кто естѣ вы, иже въ таковой суще славѣ... паки **реста**... [6, л. 28 об.].

Вероучительную литературу можно представить книгой «Альфа и омега» [7]. Главы в ней расположены по славянскому алфавиту: *Альфа (Азъ есмь), О ангелехъ, О Адамъ, Бога боятися, О благодареніи, Безмолвіе и бѣгство, О брани, О блудъ или студодъ, Вѣра и воинство, О воинствѣ духовъ* и т. д. Язык в целом славянский: скажем, обычно сохраняется инфинитив на -ти; но есть и русизмы, которые выделены в примерах. В книге страницы не пронумерованы. Приводим характерные отрывки (орфография упрощается, русизмы выделяются):

Трѣхъ ради винъ предъ се взяхъ возлюбленни читателю сію д(у)шеполезную книжицу **написатьъ**. Перъвая: яко б(о)ж(ес)твенными писаніи по г(лаго)лу г(оспо)дню: не о хлѣбѣ единомъ живѣть будетъ ч(е)л(овѣ)къ, но о всякомъ г(лаго)лѣ исходящемъ изъ устъ Б(о)жіихъ д(у)ша питается. Вторая, яко въ послѣдняя времена зѣло разслабѣша и облѣнишася (не токмо мирстїи, но и иноци) во чтеніи и стязаніи книгъ с(вя)тыхъ

о(те)ць. и въ гоненїи трїехъ **враговъ**: мира, **тѣла**, и діавола. не имамы (по с(вя)тому ап(осто)лу) оружїя и меча д(у)ховнаго, иже есть г(лаго)ль Б(о)жїи, на побѣжденїе сихъ. Третїя, яко пакость д(у)шевредная зѣло распространяется, зане бл(а)гочестивїи, презирающе, словенскихъ **студенцовъ** источника дерзновенно презирающе, словенскимъ смиреннымъ языкомъ гнушаются. и от **чюжихъ** возмущенныхъ водъ наблеванныхъ прелестїю лакоме напояваются. ученїя здраваго непослушающе и от истины слухъ отвративше, къ баснемъ уклоняются [7, Предисловіе].

...радуеть бо ся д(у)ша от свѣтлой совѣсти, смотри коликое любомудрїе. Первое, Б(о)га еже **возвеличилъ**. Второе, діавола еси посрамилъ. Третїе, и бывшее ничтоже быти изъявилъ еси [7, гл. 5].

С(вятой) Исаакъ Сирїанинь, о трехъ образѣхъ браней, выводитъ **мовечи**. Три сїя и напиши, яко сластолюбїе и еже любити покой. виновна суть попущенїю. отсылаю до с(вятаго): часть **наступилъ**, о блудѣ **выводъ чинить** [7, гл. 6].

Съ б(о)ж(ес)твеннаго **писма показать потреба, якъ** Г(оспо)дъ Б(о)гъ за него **каралъ** напервѣй. Для того **проклятого**. грѣха, потопомъ **покаралъ** свѣтъ...

...да не от Б(о)га **отпадешъ** [7, гл. 8].

Иногда довольно ощутимо проникновение западнорусских элементов (они выделяются наряду с великорусскими):

Зачимъ иже **всегдашняя** война животь ч(е)л(о)вѣчїй на земли, по с(вятому) Іову **потреба** непрестанно **воевать**. а **иного** конца въ той войнѣ **немаемъ, одно абы есмо поборошили** мѣста души **нашой**, от **наѣздовъ** и хитростей, и **головныхъ** непрїятелей своихъ, **которые** се **всегда** о насъ **кусятъ**: свѣтъ, тѣло и діаволь. иже **бысмо** тою войною могли **съправитъ, штобы** Б(о)гу, и **разумови** было **панованїе** на(д) **смыслами** и силами души **нашей**, цѣло **укротивши** всяку непристойность, и **повоевавши** страсти, свѣтъ, тѣло и діавола. **што** все помощїю б(о)жїею, и нашимъ прилѣжнымъ **стараньемъ**, побѣдiti возможемъ. Аминь [7, гл. 10].

Киевские, Виленские и другие западнорусские издания в разной степени насыщены украинизмами, белорусизмами и полонизмами. Проникновение простой мовы возможно именно в славянорусский язык как в систему неустойчивую и открытую. Разграничение славянорусского языка и простой мовы — отдельная и большая проблема, к сожалению, плохо исследованная.

В другой, диалогической, форме написана книга «Диалогисмъ сіестъ Бесѣда о догматехъ православныя Церкви» [8], издававшаяся несколько раз в рассматриваемый период и даже позже. Она построена в виде беседы учителя с учеником. Орфография выдерживается строгая, церковнославянская, но поскольку за основу языка взята новая гражданская норма, приходится выделять наиболее яркие фонетические, словообразовательные и морфологические славянизмы. Семантических и лексических славянизмов так много, что их, напротив, следует признавать основой текста. Можно сказать, что славянорусский язык этого типа славянский в лексике и русский в морфологии. Для примера приведем все Предисловіе (выделяются славянизмы, отсутствующие в русском типе):

Учитель: **Веси** ли чадо, к чему **изучилъ еси** писменныхъ слогов и граматнаго правилнаго чтенїя?

Ученикъ: Чтоб умел читать книги.

Учитель: Истинное слово твое, но ведай, что различныя **суть** книги, полезныя и вредныя. В иных **бо** написано безбожие, или многобожие, обманное учение: и таковыя книги неполезны, но вредны суть. А в иных предается учение христианское, доброе и человеку полезное: и таковыя книги полезны суть.

Ученик: Все ли те книги, так вредныя, **яко** и полезныя, читать подобает?

Учитель: Все, но не всем. Вредныя **бо** книги **еще четет простой** человек, и высокими учениями еще не **выясненный**, и **добре разсудати** доброе и злое не **обыкший**, скоро сам прелстится, и повредит себе. А те же книги вредныя прочитывая, человек искусный познает оных **лжу** и **так**о лучше от нея иных оберечь может. Того **ради** тебе, чадо, **яко** еще **неискусну**, остерегаться надлежит вредных книг, а **токмо** полезных **поучатися**.

Ученик: Да **како** ж могу распознать, **какия** книги вредныя, и какия полезныя?

Учитель: Я тебе покажу полезныя, которых **еще добре изучишися**, просветится разум твой, и нетрудно тебе будет разсуждать между добром и злом, а потому и книги полезныя **распознавати**.

Ученик: Скажи ж, молю **тя, учителю**, какия суть книги полезныя?

Учитель: Те, в которых содержится учение полезное, как тебе уже сказал я. Но еще сие ведай, что и самыя полезныя различныя суть: иныя бо пользуют к временному **животу**, иныя к вечному и вечное добро **показуют**: и сии книги, пользу вечную подающыя **во первых знати** подобает: **се же и** ради того **самаго**, что вечную подают пользу (ищите прежде Царствия Божия, Матфеа глава 6, стихъ 33). И **того ради**, что от **нихже разсудати** надлежит иныя книги, правыя ли суть, или ложныя.

Ученик: **Како** же сии книги нарицаются, чтоб мне их ведать?

Учитель: Наричаются **обычне** Слово Божие, и Писание Божественное, **понеже** от **самаго** Бога преданы суть, нарицаются еще Ветхий и Новый Завет. Коей же ради **вины, послежде** скажу: а простое и повседневное имя их есть **Библиа, сиесть**: книги. **Такоже** именуются за свое над иными превосходство, **акибы** они едины были.

Ученик: **Аще тако** есть, то **ничтоже** прочее **надлежит мне, точию прияти и читати** книги сия.

Учитель: **Пожди мало**. Суть **бо** сии книги, **якоже** видишь, великия и пространныя: к тому ж, **за** различие вещей **описанных, тако** ж и **за** необычный негде слова образ, и ради глубины таин, не весма ясныя, и не скоро **уразумети** их всяк может.

Ученик: Что ж для того **потребно** есть?

Учитель: То, **да** первое **познаеши** сокращенное сказание основателнаго в книгах сих учения [8, с. 1–8].

Несмотря на общую русскую основу морфологического оформления текста, и в нем можно найти довольно много собственно морфологических славянизмов, не употребляющихся в русском типе языка. Приведем примеры:

- (1) Именные и местоименные формы: *обо*е же *сие* (ед. ч. ср. р.); *душею* (Т.п. ед. ч.); *муць, о чело*вѣць (многократно), *о Бозь, на крузь, въ лицьхъ, въ народьхъ* (П.п.); *судове* (Им. п. мн. ч.); *слова* от *писаній святыхъ, видима* вся и *невидима*, *вся будущая послѣдняя, вся же нага* и *объявлѣнна, сердца* наша, *въ послѣднихъ моря* (ср. р. мн. ч.); *подвержень трудомъ и болъзнемъ, чело*вѣкомъ (Д.п. мн. ч.); *творенми* (Т.п. мн. ч.); *руць, ушима, предъ очима его* (дв. ч.).

- (2) Глагольные формы: *вътъмъ, имаши, речеши, можеши, приѣмлетъ, нѣсть, извѣствуемъ; виждь; предложихъ, созда, подаде, откры, бысть* (многokr.), *сотвористъ; имать быти; искусилъ мя еси, позналъ мя еси, разумѣлъ мя еси; живый, дая, могущий, сотворишаго, преклоненъ; дѣяти, отречеся.*
- (3) Неполнознаменательная лексика: *обаче, понеже* (многokr.), *яко* (многokr.), *бо* (многokr.), *дабы, во еже, еже, аще, аще же, аще и, аще бы... однако..., аки, подобнѣ якоже, таже и, не точію, толь, се же.*
- (4) Наречия: *премудръ, мощно ли, издалеча, велми; здѣ, тако, тамо, ктому, како.*

Встречаются и синтаксические славянизмы: *за благодсть* ('по причине благодсти'), *сотворилъ сыны Божія и царствія небеснаго наслѣдники* (оборот «Двойной Винительный»).

Нечастые, но многочисленные и разнообразные, однако нехарактерные для русского типа литературной нормы морфологические и прочие славянизмы определенно требуют включить и такого рода произведения в состав источников славянорусского языка. Для сравнения привлечем «Вопросы и ответы...» Дмитрия Ростовского [9] — произведение той же диалоговой формы. Ниже приведены все, без пропуска, глагольные формы прошедших времен, иногда с минимальными контекстами [9, с. 42–58].

Что... слагался; что... сотворилъ; что... сниде и пріять; что... претерпѣлъ... распялся и погребеса; юже пріять... и ёюже страдалъ и умиралъ... воскресе; якоже пророчества предсказаху; что... вознесеса; тою жъ плотію, юже пріять, и пострадалъ, и погребеса, и вознесеса; тою жъ плотію, юже пріяхомъ, и создании есмы от Бога, и въ мѣрѣ жихомъ; и приѣмемъ по дѣломъ наю; и прибави къ символу, яже выше рекошася; яко собираеми бяху; чего ради не бяху рускіе архіереи; не у бѣ просвѣщена Русь, но пребысть во тѣмѣ; которой вѣру... распространилъ, и насадилъ; того ради, яко они... были составлены; которыхъ вселенныя... цари благочестивіи собирали; на кого первый соборъ собранъ былъ? <Ответ> ...собранъ бѣ...; бяху; исповѣдаше; нарицаше; ереси изблеваше; воспріялъ; источенъ бѣ; бѣ; бѣ; исповѣдаху; хуляху; сливаху; проповѣдаху; глаголаху; пріять; воплощенъ бысть; мечтаху; ихже низложи и анфематиса; сниде; снесе; вселися; пріять; бѣ; бяху; бяху; сверши; утверди; проклять; учаху; рече; напряже; и угодова; угодова; содѣла; блядословилъ; отверже; бяху; глаголаху; извѣсти; изложи; бысть; прокляша, проповѣдаша; предаша; бяху; всѣ ли тѣ семь соборовъ тверды были и суть?; ипостась есть слово греческое, по руски же сказуется лице, лице же не тѣлесное, но духовное въ Бозѣ, какбы въ свѣтѣ сіяніе; како Богъ сотворилъ толикое величество зданія сего видимаго и невидимаго; утвердишася; показалъ еси; реклъ еси; что не они <Бог-Отец и Бог-Дух Св.> воплотилися; воплотися; якоже выше речеся <3 раза>; родися; воплотися; ...страдалъ...?; съ тѣломъ не было ли разлученія?; не было; ниже Сынъ разлучися; могъ ли бы воплотитися?; выше рекохъ; яко... воплотися; не сущу небу и земли, гдѣ Богъ пребывалъ?; бѣ пребывая; сотвори; якоже рекохъ; якоже самъ рече; было ли...?; видѣ; бяху; яви славу; можаху; когда сотворилъ...?; рекохъ уже; яко не согласишася; бѣ; предпочте; и хотѣ; и возгордися; сотворися; дадеса; не дадеса; дадеса; согрѣши; имѣяше; рекохъ; егда не согласишася; рекохъ; бяху; иже глаголаху; могъ ли бы...?; или кто вѣсть умъ его; была ли вѣра?; бѣ; бѣ; проповѣда; научиша <в знач. 'научились'>; распростра-

ниша, и истолковаша и утвердиша; наречеса; породи; аще бы Адамъ не согрѣшилъ, воплотился ли бы Христосъ?; не бы воплотился; сей умре; воскреси его; вѣдалъ ли?; вѣдалъ; попусти; созда; бѣ; не сотвори; сотвори; сотвори; и человекъ попусти Богъ и не возбрани, то сдѣлалося потому...; предостереже <русская огласовка корня>; засвидѣтельствовалъ; дѣлалъ?; пилъ, яде, постился, ходилъ, бесѣдовалъ, опочивалъ и спалъ <-л- добавляется к основам инф. на гласный>; дѣлалъ?; очищалъ, ...воскрешалъ; дѣлалъ?; страдалъ, распинался, умиралъ; страдалъ?; убо душа распиналася?; тѣло распинашеса, душа же скорбаше, тѣло пригвождашеса..., и кровь проливашеса, душа же болѣзновашеса; ...сѣтоваше, понеже знаяше.

У Дмитрия Ростовского церковнославянская норма выдержана более последовательно и его славянорусский язык более отдален от русского, хотя и видны некоторые вольности, например в позиции 3 л. мн. ч. прошедшего времени *-аху/-ша* для совершенного вида и только *-аху* для несовершенного вида. В вопросах (ученика) русификация сильнее, чем в ответах (учителя), — это, пожалуй, закон данного жанра. Предварительный более общий вывод: точные характеристики славянорусского языка в том или ином конкретном тексте мало зависят от его жанра, но очень зависят от личности его создателя.

Пожалуй, наиболее приближен к русской гражданской норме язык «Краткого руководства к чтению книг Ветхого и Нового Завета» еп. Амвросия [10]. Язык этого вероучительного произведения кажется уже совершенно русским, несколько архаизированным по причине духовного содержания. В значении прошедшего времени употребляются исключительно зловые формы, инфинитив только на *-ть*, второй палатализации в склонении нет, повсюду видим «полную победу» окончаний *-амъ*, *-ами*, *-ахъ*. Но орфография выдерживается строго церковнославянская, правда, заглавные буквы — как в гражданской орфографии, что, впрочем, было характерно для всей петербургской и московской церковной печати до 1870-х годов. Все-таки славянизмов, в том числе морфологических, в этой книге больше, чем в книгах, которые без оговорок можно причислить к написанным на русском языке. Приведем два отрывка из 1-й части.

Кто оныя книги... тотъ наипаче оныя книги безъ всякаго сумнѣнїя за истиннѣйшее слово Б(о)жїе почитаетъ, который истинамъ въ нихъ содержащимся повинуется. Іова гл. 7, с(тихъ) 71. Ибо тогда разумъ бл(а)г(ода)тїю с(вя)таго Д(у)ха такъ просвѣщается, что онъ совершенно удостовѣренъ бываетъ о томъ, что они суть б(о)жественныя или от Б(о)га произшедшыя [10, л. 2].

Чтобы законы от Б(о)га данныя новому сему народу, которыя по большой части при первомъ преданїи закона на горѣ Сїнайской не былъ, одобрить и подтвердить. и его къ сохраненїю ихъ обѣщанїями, угроженїями, и новымъ подтвержденїемъ обязать [10, л. 12].

Множество славянских неполнозначенательных слов заставляют язык этой книги считать славянорусским, ср.: ...**яко** въ ковчегѣ завѣта у евреевъ не бывшыя... [10, л. 2]; **А ежели** бы ихъ испортили послѣ... [10, л. 3].

В целом же язык довольно свободный, в части 2 есть даже нарушения ныне принятых (более, чем здесь славянизированных!) гражданских норм, например *обѣихъ* по отношению к евангелистам Марку и Луке [10, л. 2 об.] вместо ныне обязательной по норме *обоих* — формы, согласованной по мужскому роду.

Общий объем книг церковной печати, изданных с 1780 по 1820 г., составляет, согласно В.М. Ундольскому [11], 804 (с № 2704 по № 3508) из 3690 наименований, отмеченных в Указателе за 1491–1864 гг., т.е. за 40 лет из 373-летнего периода (десятая часть всего периода) была издана примерно пятая часть всех наименований книг. Из 804 книг, судя по названиям, 419 уверенно можно считать небогослужебными (сюда включались книги с небогослужебными частями, например службы с житиями святым), т.е. за рассматриваемый период примерно половина книг не предназначена для богослужения на церковнославянском языке, а значит, десятая часть вообще всех книг кирилловской печати с 1491 по 1864 г. служит источником славянорусского языка только с 1780 по 1820 г. Вывод очевиден: несмотря на появление и умножение тиражей и разнообразия названий книг гражданской печати, книги церковной печати составляли им внушительную конкуренцию в том числе и в тот период, когда светская литература бурно развивалась. Абсолютное большинство книг церковной печати издавалось по-славянски или на славянорусском языке (в наш период — примерно поровну).

Полный список текстовых источников более широкого хронологического масштаба может занять тысячи полторы — две наименований разнообразных изданий. Это научные и исторические сочинения, церковные проповеди, церковноучительная, полемическая, нравоучительная, учебная литература. О грамматической норме славянорусского языка можно судить по «Грамматике» Аполлоса Байбакова [12]. В этой грамматике, при введении общих славянорусских категорий, всякий раз предлагается славянский и русский вариант парадигмы с разбором отличий. Русские варианты на уровне словоформ могут включаться прямо в славянские парадигмы. Так, прошедшее время показано через следующие образцовые словоформы: *быхъ* и *быльъ*, *ла*, *ло*, *бысть* и *бьяше* [12, с. 63], преходящее — через *чтохъ*, *челъ*, *чла*, *чло*, *чте* [12, с. 78], прешедшее — через *читахъ*, *читалъ*, *ла*, *ло*, *читаше* [12, с. 78]. Связка *еси* или другая (*есмь*, *есть*) отсутствует. В перечнях личных глагольных форм нет прямого указания на их значения 1-го, 2-го или 3-го лица. Правила согласования («сопряжения») указанных словоформ с подлежащим переносятся в синтаксис, а потому эловые формы мыслятся вне какого-либо лица.

В лексическом отношении этот язык совпадает с церковнославянским, расширенным известными литературными пластами русской лексики, допускаются даже просторечные изобразительные вкрапления. Собственно говоря, славянизация светской литературы конца XVIII в. (елагинский стиль и пр.) есть не что иное, как синтетическое усвоение богатств и красок церковнославянского словаря согласно завещанию Ломоносова. На основе словообразовательных славянизмов стали создаваться позднейшие кальки с новых западноевропейских языков, например *представление* с нем. *Vorstellung* (не **представленье*). Отдельные морфологические остатки славянорусского языка закрепились в виде современной системы полных причастий, ставшего обязательным безударного окончания прилагательных м. р. ед. ч. И. п. *-ый* (в русском типе языка рассматриваемого периода свободно употреблялись еще прилагательные с окончанием *-ой*), в других синтетических морфологических особенностях. О словообразовательных, лексических и фонетических славянизмах написано достаточно, славянорусский язык был их мощным проводником в новую словесность. Однако он создавал живую панхроническую связь с языком древнерусским — такую связь, которая уже плохо понятна нашим современникам.

Итак, мы показали крупницу того огромного лингвокультурного достояния, которым обладали русские читатели и писатели конца XVIII — начала XIX в. Западники и либералы считали и считают это достояние ретроградством, дурным вкусом, «ходульной славенщиной», будто бы мешающей свободному развитию изящной словесности. Однако субъективные и тенденциозные оценки фактов не должны приниматься во внимание при ответе на вопрос об объективной научной ценности славянорусского языка. Само его существование (как бы к нему субъективно ни относиться!) не позволяет разделять единый русский литературный язык с двумя нормами — старшей церковнославянской и младшей современной русской — на два отдельных языка. Славянорусский язык, таким образом, был рассмотрен только в узком объеме этого трехсоставного понятия в его полном объеме: церковнославянский богослужебный, славянорусский небогослужебный и светский русский.

Славянорусский язык явился закономерным основанием деятельности Академии наук, его лексика воплотилась в панхроническом Словаре-тезаурусе Академии Российской. Этот язык, в частности, будучи более тщательно изученным, может пролить свет на время создания недатированных и неатрибутированных произведений. Научное положение, защищаемое в настоящей статье: славянорусский язык — лингвистическая панхроническая реальность.

Великий представитель следующего периода развития русской словесности А. С. Пушкин явился основателем языка художественной литературы. Наша литература духовна по содержанию и поэтому может расцениваться как наследница славянорусского языка. Этот язык выступает, следовательно, необходимым связующим звеном между составными частями (стихиями) русского литературного языка²: собственно русской XVIII в., церковнославянской, древнерусской и современной русской.

Литература

1. Духовная великаго князя Владиміра Всеволодовича Мономаха дѣтямъ своимъ, названная въ Лѣтописи Суздальской Поученье. СПб., 1793.
2. *Виноградов В. В.* О задачах стилистики. Наблюдения над стилем жития протопopa Аввакума // Виноградов В. В. О языке художественной прозы: избр. тр. М.: Наука, 1980. С. 3–41.
3. URL: <http://ekislova.ru/about/myworks> (дата обращения: 15.07.2014).
4. Добротолюбие, или словеса и главизны священнаго трезвения, собранные от писаний святых и богодухновенных отец. М., 1793.
5. *Патр. Иоакимъ.* Увѣтъ духовный, во утверженіе бл(а)гочестивыхъ людей, во увѣреніе же и обращеніе къ покаянію от прелести расколниковъ с(вя)тыя ц(е)ркве. М., 1791 (1-е изд. — 1683).
6. Житие преподобнаго и богоноснаго отца нашего Александра Свирскаго, иже во области Великаго Новаграда. СПб., 1818.
7. Альфа и омега. Сия святая и богодухновенная книга Альфа и омега типомъ издана въ типографіи его королевскаго величества Станислава Августа, великаго короля Польскаго, и Великаго князя Литовскаго. Вильна, 1788.
8. Диалогисмъ сіестъ Бесѣда о догматехъ православныя Церкви. Киевопечерская лавра. Кіевъ, 1825.
9. *Св. Димитрій Ростовскій.* Вопросы и ответы краткіе о вѣрѣ и о прочихъ ко знанію христіанину принадлежащихъ // Сочиненіе святаго Димитрія митрополита Ростовскаго. Ч. 1. М., 1818.

² Под языком как целым в нашей работе подразумевается задача языковеда, искомое и заданное, а не данное и известное. Лексика (словарь) и словообразование для языка, содержащие его основы и внутреннюю форму, важнее, чем морфология, представляющая только часть формы внешней.

10. *Еп. Амвросій (Подобѣдовъ)*. Краткое руководство къ чтенію книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта. Ч. 1–2. М., 1779.

11. *Ундольскій В. М.* Хронологический указатель славяно-русских книг церковной печати с 1491 по 1864 г. М., 1871.

12. *Аполлосъ Байбаковъ*. Грамматика, руководствующая къ познанію славено-россійскаго языка. Кіевъ, 1794.

Статья поступила в редакцию 8 августа 2014 г.

Контактная информация

Демидов Дмитрий Григорьевич — доктор филологических наук, доцент; demidoffs@rambler.ru

Demidov Dmitrii G. — Doctor of Philology, Associate Professor; demidoffs@rambler.ru